

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 6, Pp. 1182–1201, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(574)16

Внутренняя и внешняя политика хана Тауке

*Булат Сергазиевич Сарсенбаев¹,
 Зиябек Ермуханович Кабульдинов^{2,3},
 Динара Маратовна Сандыбаева⁴,
 Акнур Амангельдыевна Оралова⁵*

Internal and External Policies of Khan Tauke

*Bulat S. Sarsenbayev¹,
 Ziyabek Y. Kabuldinov^{2,3},
 Dinara M. Sandybayeva⁴,
 Aknur A. Oralova⁵*

¹ Центр Н. Назарбаева по развитию межконфессионального и межкультурного диалога (д. 1а, ул. Бокейхана, 010000 Астана, Республика Казахстан)

¹ Nazarbayev Center for Interfaith and Cross-Civilizational Dialogue (1A, Bokeykhan St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)

кандидат исторических наук, председатель Правления

Cand. Sc. (History), Chairman of Board

 0000-0001-5290-4958. E-mail: [bulatsar57\[at\]yahoo.com](mailto:bulatsar57[at]yahoo.com)

² Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

² Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

доктор исторических наук, директор

Dr. Sc. (History), Director

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

³ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

доктор исторических наук, профессор

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-9625-0535. E-mail: [kabulzia\[at\]rambler.ru](mailto:kabulzia[at]rambler.ru)

⁴ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

⁴ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

магистр истории, научный сотрудник

MA (History), Research Associate

 0009-0003-1881-0685. E-mail: [dinaaara_85\[at\]bk.ru](mailto:dinaaara_85[at]bk.ru)

⁵ Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

⁵ Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

PhD докторант, научный сотрудник

PhD Student, Research Associate

0000-0003-4979-4203. E-mail: aknur.oralova[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Сарсенбаев Б. С., Кабульдинов З. Е.,
Сандыбаева Д. М., Оралова А. А., 2025© Sarsenbayev B. S., Kabuldinov Z. E.,
Sandybayeva D. M., Oralova A. A., 2025

Аннотация. *Введение.* На рубеже XVII–XVIII в. Казахское ханство оказалось в сложной ситуации: усиливалось давление со стороны Джунгарского ханства, необходимо было выстраивать отношения с Россией и соседними государствами Центральной Азии. В этих условиях особое значение приобрела фигура Тауке-хана, одного из самых авторитетных правителей казахской степи. Его деятельность была направлена на прекращение внутренних конфликтов, укрепление ханской власти и формирование правовых основ, которые должны были обеспечить стабильность внутри Казахского ханства. Ярким результатом его внутренней политики стал свод законов «Жети Жаргы», сыгравший ключевую роль в регулировании как общественных отношений, так и межэтнических контактов. Особое место во внешней политике занимали его усилия по формированию союзнических отношений с кыргызами, что позволило создать условия для совместного противостояния джунгарской угрозе. *Целью* исследования являются выявление особенностей внутренней и внешней политики Тауке-хана, а также анализ значения казахско-кыргызских союзов в системе противодействия джунгарам. *Материалы.* Источниковую базу исследования составили архивные документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук и Российского государственного архива древних актов, а также опубликованные материалы («Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 гг.», труды А. И. Левшина, Л. Мейера и др.). *Результаты.* В исследовании сделан акцент на институциональном характере казахско-кыргызских отношений: союз не был эпизодическим, он приобрел устойчивые формы (участие кыргызских биев в курултаях, включение Кокум-бия в систему ханского управления, совместные военные действия против джунгар). Такой подход позволяет рассматривать эти связи не как ситуативный союз, а как политико-правовой механизм, укреплявший ханскую власть. Авторы статьи провели сопоставление разнородных источников и выявили противоречия в оценках личности и политики Тауке-хана в историографии. Результаты исследования показывают, что Тауке-хану удалось не только прекратить усобицы и укрепить власть биев, но и выстроить многовекторную дипломатию. С одной стороны, он искал компромиссы в отношениях с Россией и калмыками, с другой — консолидировал усилия с кыргызами и каракалпаками. Такое сочетание оборонительных и союзнических мер позволило ханству удержать позиции в условиях внешней угрозы.

Ключевые слова: Казахское ханство, Тауке-хан, Жети Жаргы, джунгары, кыргызско-казахские отношения, кыргызы, калмыки, курултай, бии и батыры

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана» (№ BR24993173).

Для цитирования: Сарсенбаев Б. С., Кабульдинов З. Е., Сандыбаева Д. М., Оралова А. А. Внутренняя и внешняя политика хана Тауке // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 6. С. 1182–1201. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1182-1201

Abstract. *Introduction.* At the turn of the eighteenth century, the Kazakh Khanate was under strong pressure from the Dzungar Khanate, took simultaneous diplomatic steps to establish relations with Russia and maintain contacts with neighboring Central Asian states. Khan Tauke (1680–1718) emerged as a most authoritative ruler of the period. His activities were aimed at strengthening khan's authority and power, ending internal conflicts, and shaping customary law through the introduction of the Zheti Zhargy code. A distinctive aspect of his foreign policy was the establishment of alliances with the Kyrgyz, which yielded a united front against the Dzungar aggression. *Goals.* The study attempts an analysis into some particulars of Khan Tauke's domestic and foreign policies, and

highlights the role of Kazakh–Kyrgyz cooperation in resisting the Dzungar pressure. *Materials and methods.* The work focuses on materials from St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPbF ARAN) and the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA), as well as on published sources, including Epistolary Heritage of Kazakh Ruling Elites, works by A. Levshin and L. Meyer, modern historiographical editions. The study employs the principles of historicism, objectivity, and systemic analysis in combination with a value-based approach that helps interpret Khan Tauke's policies in wider historical contexts of early modern Central Asia. *Results.* The paper shows that Khan Tauke succeeded in overcoming internal feuds, strengthened the authority of biys, and institutionalized legal norms through the Zheti Zhargy. His foreign policy combined defensive measures against the Dzungar, diplomatic contacts with Russia, and systematic cooperation with the Kyrgyz. The participation of Kyrgyz biys in joint assemblies and the integration of Kyrgyz elites, such as Kokum Biy, into the governance system of the Khanate reflected the institutionalized character of these alliances. At the same time, Khan Tauke was seeking to stabilize relations with the Kalmyk and temporarily reduced tensions on the western borders. These measures ensured relative stability within the Khanate and strengthened its international standing. The institutionalization of Kazakh–Kyrgyz cooperation under Khan Tauke thus seems a key episode of steppe diplomacy that offers new perspectives for understanding mechanisms of political survival in early modern Central Asia.

Keywords: Kazakh Khanate, Khan Tauke, Zheti Zhargy, Dzungar aggression, Kyrgyz–Kazakh relations, Kyrgyzes, Kalmyks, kurultai, biys and batyrs.

Acknowledgments. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. BR24993173 ‘Writing an Illustrated Biographical Encyclopedia on the History of Kazakhstan’.

For citation: Sarsenbayev B. S., Kabuldinov Z. E., Sandybayeva D. M., Oralova A. A. Internal and External Policies of Khan Tauke. *Oriental Studies*. 2025. Vol. 15. Is. 6. Pp. 1182–1201. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2025-82-6-1182-1201

1. Введение

Одним из влиятельных и авторитетных старших казахских правителей рубежа XVII–XVIII вв. был хан Тауке, которому удалось проводить взвешенную внутреннюю и внешнюю политику. Казахский правитель предпринял ряд мер, направленных на укрепление единства казахского народа, а также обеспечение защиты от внешних вторжений. При нем Казахское ханство стало признаваемым и уважаемым государством на международной арене.

При Тауке-хане правовые нормы, закрепившие власть и полномочия правителя, оформились в свод «Жети Жаргы». Этот кодекс воспринимался современниками как символ упорядоченности степной жизни и инструмент укрепления ханской власти. Исследователи отмечают, что в период Тауке-хана барымта перестала быть исключительно формой возмещения убытков. Она приобрела значение социального регулятора, обеспечивавшего баланс в обществе и укреплявшего авторитет ханской власти

[Useinova 2020: 3–8]. В условиях внешней угрозы со стороны Джунгарского ханства Тауке хан проводил политику объединения жузов и выстраивания союзов с соседними народами — кыргызами и каракалпаками. Эти меры позволяли укреплять внутреннюю стабильность ханства, а также обеспечивать оборону на южных и восточных рубежах.

Одним из важных направлений деятельности Тауке-хана стало взаимодействие с кыргызами, чьи бии и батыры принимали участие в совместных военных акциях и курултаях. В источниках фиксируется включение кыргызской элиты (Кокум-бий) в систему ханского управления, что отражало институционализацию союзнических отношений [Абдуманов 2025: 110–112]. В документах конца XVII в., хранящихся в российских архивах, зафиксировано участие казахов, кыргызов и каракалпаков в совместных военных действиях против джунгарской угрозы [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 171об.; Басин 1971: 111; Галиев 2013: 15; Левшин 1832в: 289].

Деятельность Тауке-хана оставила глубокий след не только в истории казахов, но и в судьбах сопредельных народов Центральной Азии. Внешнеполитическая линия Тауке отличалась многовекторностью: с одной стороны, он укреплял оборону против джунгар, с другой — вел переговоры с Россией и выстраивал устойчивые союзы с кыргызами и каракалпаками [Галиев 2013: 13–15]. Наряду с этим Тауке-хан стремился урегулировать отношения с калмыками, что позволило временно снизить напряженность на западных границах и сосредоточить силы против джунгарской угрозы [Гиззатов, Отеуов 2023: 12–13].

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили архивные документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) и Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также опубликованные материалы: «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 гг.» [Эпистолярное наследие 2014], труды А. И. Левшина [Левшин 1832а; Левшин 1832б; Левшин 1832в; Левшин 1996] и Л. Мейера [Мейер 1865].

Методологическую основу работы составили такие основные принципы научно-исторического познания, как объективность, историзм, системность и конкретность, а также применяемый в исторических исследованиях ценностный подход. Они предполагают всестороннее, объективное рассмотрение тех или иных исторических событий, учет целого спектра факторов, влиявших на деятельность исторической личности и его окружения, рассмотрение исторического события во взаимосвязи всех элементов

3. Обсуждение

В историографии правление Тауке-хана (1680–1718) традиционно рассматривается как переломный этап в истории Казахского ханства. При этом оценки его политики в разных исследовательских традициях неоднозначны.

В казахстанской историографии Тауке рассматривается как государственный дея-

тель, ориентированный на укрепление внутреннего единства и институционализацию ханской власти. В рамках внутренней политики он делал акцент на социальной сплоченности посредством принятия правового кода «Жеті Жарғы», который закрепил основные нормы обычного права и способствовал концентрации верховной власти в руках старшего хана [Куанбай 2024: 48, 56]. В этот период ханская власть приобрела более выраженные институциональные черты, а курултай стали устойчивым механизмом коллективного принятия политических решений. Внешняя политика Тауке, по мнению исследователей, была направлена на укрепление южных и восточных рубежей ханства, что проявилось в союзах с кыргызами и дипломатических контактах с Россией и калмыками [Басин 1971: 142–151; Гиззатов, Отеуов 2023: 8–21].

Кыргызские исследователи подчеркивают другой аспект. В работах, посвященных кыргызско-казахским отношениям XVII–XVIII вв., акцент делается на союзническом взаимодействии против джунгарской угрозы. Так, в «„Кыргызстан“ Улуттук энциклопедия» [Кыргызстан 2006: 553–554] отмечается тесное взаимодействие с кыргызами: их бии принимали участие в курултаях, а союзные отряды выступали в военных действиях против джунгар. Это показывает, что сотрудничество носило системный, а не эпизодический характер. Однако часть авторов указывает на напряженность, связанную с разделом пастбищ и пограничных территорий, что временами осложняло отношения между союзниками [Джуманалиев 2016: 270–272].

В трудах советского периода акцент делался на представлении Тауке-хана как объединителя, который сумел организовать противодействие джунгарской угрозе. При этом внутренняя сложность политической ситуации освещалась в меньшей степени [История 1979: 334–341]. При этом проблемные стороны, связанные с внутривнутриполитическими конфликтами и соперничеством жузов, зачастую оставались в тени.

В современной науке на первый план выходят вопросы интерпретации союзов Тауке-хана с кыргызами. Одни исследова-

тели подчеркивают институционализацию этих отношений: участие кыргызских биев в курултаях, включение представителей кыргызской знати (например, Кокум-бия) в систему ханского управления [Абдуманапов 2025: 106–107]. Другие видят в этих союзах временный военный альянс, обусловленный исключительно внешней угрозой со стороны Джунгарского ханства [Сапаралиев 2022: 86–96].

Таким образом, в историографии сохраняются противоречия: от образа Тауке-хана как мудрого законодателя и созидателя устойчивой государственности — до трактовки его как прагматичного политика, чья внешняя политика определялась ситуативными союзами и необходимостью выживания ханства в условиях внешнего давления. Дискуссионный характер этих оценок подчеркивает значимость дальнейшего изучения архивных материалов и сопоставления казахских, кыргызских и международных источников. В этой связи, на наш взгляд, представляется необходимым проведение всестороннего и скрупулезного изучения кыргызской фольклорной традиции как важнейшего источника историко-культурной информации. Особое внимание следует уделить систематическому анализу материалов шежира (родословных и генеалогических таблиц), в которых отражены социальные связи, происхождение и миграционные пути родов; айтысов — поэтических состязаний акынов, содержащих элементы исторической памяти и оценки событий прошлого; а также исторических рассказов, устных преданий, топонимики и антропонимики, способных пролить свет на этногенетические и культурные процессы в традиционном кыргызском обществе.

4. Происхождение и становление правителя

Будущий хан происходил из потомков Жангир-хана и Есима. Источники указывают, что его матерью была Бану-ханым, представительница знатного рода [Левшин 1996: 162], приходился внуком старшему хану Есиму. По своей генеалогической линии он состоит в прямом и непосредственном родстве с выдающимися казахскими

ханами Касымом и Есимом [Султанов 2001: 92–96; История 1979: 247–249], которые сыграли ключевую роль в укреплении государственности Казахского ханства, его политического единства и международного авторитета, оставив глубокий след не только в истории Казахстана, но и в развитии соседних регионов Центральной Азии и Восточной Европы. Он прожил долгую и наполненную яркими событиями жизнь, окончив ее в почтенном возрасте. Эпоху Тауке называют «золотым веком» в истории казахского народа [Ерофеева 1999: 53]. Тауке родился не позднее начала – середины 1830-х гг. [Абуев 2006: 45]. Матерью Тауке была джунгарка Бану-ханым из знатного рода [Ирмуханов 2006: 548; Мұхтар, Сыдыков 2015: 33]. В источниках и в материалах устного народного творчества хан известен под разными именами: Тауекель, аз (азиз) Тауке (святой Тауке) и др. [Әлімбай 2017: 504]. Его полное имя — Таввакул-Мухаммад-Бахадур-хан [Эпистолярное наследие 2014: 79].

В письменных источниках Тауке появляется с начала 1650-х гг., когда он, будучи в возрасте не более 20 лет, находился в составе посольства своего отца Жангир-хана к правителям чагатаидов Восточного Туркестана. Уже в молодые годы он проявил себя не только храбрым воином, но и мудрым дипломатом [Карибаев 2015: 52], что позволило ему сначала стать ханом Младшего жуза.

К началу 1670-х гг. Тауке преодолел междоусобные распри и одержал ряд побед над джунгарами. В 1680 г., спустя почти 30 лет после гибели своего отца, он пришел к власти во всем Казахском ханстве, *«присоединяя к себе большую часть народа из всех орд и сделав удачные над прочими победы, наименовал себя первым ханом всех трех орд»* [ИКРИ 2007: 70], которыми правил до своей смерти в 1715 г. [РГАДА. Ф. 248. Кн. 573. Л. 612об.; Ерофеева 1999: 32]. По народным преданиям, он получил ханский титул за *«героические подвиги»* в войнах с джунгарами, кыргызами, каракалпаками, за проявленное искусство *«примирять спорящихся и пленять ... сердца даром красноречия»* [Ерофеева 1997: 102]. Тауке обладал выдающимися

организаторскими, военными и дипломатическими способностями, а также умением примирять враждующие стороны. Современники отмечали его как знатока казахских обычаев и традиций, он лично разбирал наиболее сложные судебные процессы. Хан обладал изрядным умом и пользовался большим уважением своих подданных и современников. Российский дипломат А. И. Тевкелев давал такую характеристику: *«Тевке-хан был человек умной и у киргизцов в великом почтении»* [ИКРИ 2005: 302].

На рубеже XVII–XVIII вв. старшие ханы выполняли функции главнокомандующих казахским ополчением во время военных действий, руководили проведением общенациональных курултаев и др. [Избасарова 2022: 129]. Центром власти при Тауке стал Туркестан, крупнейший город региона, являвшийся одной из традиционных столиц Казахского ханства, который играл важную роль в системе политического управления и легитимации ханской власти. Наряду с этим г. Туркестан выступал как значимый религиозно-духовный центр тюркского мира, где концентрировались очаги исламского просвещения, культовые сооружения и святыни, служившие местом паломничества и духовного объединения народов Центральной Азии. Об этом упоминал и западный путешественник Н. Витсен, подчеркивая стратегическое значение города для ханской власти [ИКЗИ 2006: 67].

5. Внутренняя политика

В годы правления старшего хана Тауке Казахское ханство оставалось централизованным государством, на подвластных ему землях строго соблюдались законы, заметно уменьшились межплеменные и межродовые распри.

Тауке постарался, прежде всего, укрепить управленческие позиции представителей степной аристократии — биев, которые обладали значительным весом и полномочиями в казахском обществе. Был усилен политический вес Совета биев, превратившегося в постоянный государственный орган, чья роль в прежние времена носила зачастую формально-традиционный характер. Полномочия биев заметно расшири-

лись, их решения имели обязательную силу [История Казахстана 2010: 424].

Наиболее серьезные вопросы жизни степного социума разрешались теперь при посредничестве авторитетных биев всех трех жузов на ежегодных осенних курултаях вблизи гг. Туркестан, Сайрам и др. Наиболее известным местом собраний была ханская ставка на холме Культобе на левом берегу р. Ангрен в 40 верстах от Ташкента. На таких съездах обсуждались и разрешались злободневные вопросы в области хозяйственной деятельности (в том числе регулировались маршруты кочеваний), отношений между родами, войны и мира и т. д. Такие собрания выполняли и функции военных смотров: *«Существовало право, что человек невооруженный не имеет права голоса на народных сборищах»* [История 1979: 114; Мейер 1865: 61]. Таким образом, помимо биев, возросла роль еще одной значимой социальной группы — батыров.

Спорные ситуации, связанные с распределением земель, утверждением старшин, а также разработкой новых законов проходили с личным участием Тауке-хана. Об этом писал исследователь жизни и быта казахского общества Я. Гавердовский: *«Чтобы в каждой народной части с лучшим порядком управлять общественными делами, старики, по совету Тявки-хана, выбрали трех старейшин, препоруча им смотрение за правосудием биев, или судей, каждого аула и возложив при том на них непосредственную ответственность за все могущие случиться в родах беспорядки хану ... Для предупреждения споров в паствах, Тявка, по добровольному согласию, назначил каждому роду места зимних и летних кочевий, распределил аулы и начальствующих старейшин над оными, ограничил своевластие родоначальников постановлением кратких законов ... и повелел затверживать их детям с самого младенчества, дабы через то только могли сохранить их потомству, передавая изустно»* [Гавердовский 2007: 389].

Таким же образом устранялись разногласия и по поводу распределения водных источников. Каждый род получил свою отдельную тамгу [История 1979: 391].

Пытаясь прекратить некоторые междоусобицы, он нередко объединял разрозненные роды в один крупный род. Например, имеются сведения А. И. Левшина об истории создания жетыру на территории Младшего жуза: «*Меньшая орда прежде составлялась из сильного племени Алчин и семи малых родов, которые, не имея силы противостоят в междоусобиях и барантах многочисленным алчинцам, были соединены знаменитым в народе киргизским ханом Тявкою (Тауке. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.) в одно поколение, известное ныне под именем семиродского*» [Левшин 1832в: 289]. Такое объединение малочисленных и слабых родов в более крупные поколенные группы было необходимо для повышения боеспособности народного ополчения. В то время среди всех тюркских народов казахи занимали по численности второе место после турков-османов [Аристов 1897: 76]. Тауке способствовал тому, чтобы существенно повысить боеспособность конного ополчения, в случае необходимости он мог собрать 80-тысячное войско [Атыгаев 2015: 254].

Российский исследователь Л. Мейер отмечал, что «*могущество ханов киргизских, несмотря на междоусобия, возрастало до конца XVIII столетия... Особенно устроилось и развилось это вольное общество при хане Тявке ... он успел примирить их между собою, прекратив своею справедливостью и правосудием междоусобия родов и дав всему народу законы, основанные на его древних обычаях. Между прочим он определил каждому роду свою кочевку, дал им тамги — знаки для клеймения скота, поныне употребляемые киргизами. Кроме того, он установил, чтобы в один осенний месяц съезжались все старшины для совещания общественных дел. Для управления ордами, он посоветовал старикам в каждой выбрать по одному старейшине, что и исполнено: в большой орде выбран Тюлябий (Толе-би. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.), в средней — Казбек, в меньшей — Итка (Айтеке. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.). Здесь видна древность выборного начала у киргизов. Это время было эпохою наибольшей славы ханов киргизских, царствовавших в Туркестане*» [Мейер 1865: 4–5].

Личность Тауке-хана традиционно связывается с идеей консолидации казахского народа и укреплением централизации Казахского ханства. Именно достигнутая при нем внутренняя сплоченность обеспечивала возможность удерживать под властью старшего хана обширные территории — от Тобольска на севере до Ташкента на юге и от Едила (Волги) на западе до Обско-Иртышского междуречья на востоке.

К рубежу XVII столетия Тауке-хану удалось распространить свою власть далеко за пределы степных кочевий. Под его политическое руководство вошли не только кочевые районы, но и значительная часть городских и земледельческих центров средне- и нижнесырдарьинского региона. В этом поясе оазисов и торговых маршрутов казахские ханы контролировали около тридцати двух городов вместе с их ближайшими территориями, что свидетельствует о заметном укреплении центральной власти: Ташкент, Сайрам, Сыгнак, Отрар, Туркестан, Сузак, Аккорган, Нарнак, Икан и др., население которых выплачивало различные подати, сборы и пошлины [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 14. Л. 122об.; Эпистолярное наследие 2014: 80]. Например, в письме Тауке-хана жителям Сыгнака 1675 / 1676 г. сообщалось, что он назначил в город кази, накиба (*накиблык*) и шейх ал-ислама, который по сложившейся с древних времен практике занимал особое положение в городской среде; жители были обязаны демонстрировать ему уважение и оказывать знаки почтения, включая различные дары и подношения [Эпистолярное наследие 2014: 80].

В марте 1691 г. послы джунгарского Галдана Бошогту-хана к иркутскому воеводе Л. К. Кислянскому так описывали устройство владений Тауке-хана: «...в Казачье де орде владелец Тюуке-хан, а жили де они городками ... а городков де у них адинатцать, а где де владелец Тюуке хан живет, и тот де город словоет Ясу (Туркестан. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.), а величиною де тот город средней, а посады де кругом городков великие... кроме де Ясу, другой город Сайрам, третьей Менкет, четвертой Харасман, пятой Чимыгэт, шестой Текек, седмой Бабан Елган, осмой Харамурол, девятой Таишкент,

десятой Чинак, а одинацатому де городу зов забыли, а стоит де на реке Цырцект ... А в городках де поставлены мечати великие, где збираютца на молбище, и судебные де избы в городех построены и сидят для росправы воеводы, и называютца де они беки и беи ... в Казачье де орде хлеба всякого паишут вблизи у городков, и отъезжая по селам много, а скота де всякого многое ж число, а скот де у них верблюды, и кони, и ишаки, и всякой рогатой скот, также де в городех и в селех многие сады, а в садах овощи, яблока и виноград, и вишни, и черносливы, и шебуга, и орехи болише волоские, также и иные многие овощи есть же ... с ханом де Казачьи орды силы на поле выезжает тысяч по десяти и больши» [РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 544. Л. 211–212]. О развитии земледелия у казахов Тауке-хана сообщал в это время и российский посол В. Кобяков, побывавший в 1692 г. в ставке хана: «А хлеб-де ... родится многое число, пшеница, и ячмень, и просо, а хлебы сего — озимые и яровые» [Басин 1971: 116; История 1979: 54].

Важнейшим направлением государственной деятельности Тауке-хана стала ревизия и частичная кодификация норм обычного права. Он инициировал разработку уникального для своего времени свода законов «Жеты Жаргы» («Семь установлений»), что окончательно оформило юридическую систему казахского общества. Принятие такого свода было продиктовано не только необходимостью укрепления внутреннего единства ханства, но и под влиянием того, что главный противник — джунгары — ранее также дополнили свои законы новыми положениями, направленными на усиление их государственности и военной мощи. Составителями свода законов принято считать влиятельных биев, представлявших все три жуза: Толе-би (Старший жуз), Казыбек-би (Средний жуз) и Айтеке-би (Младший жуз) [Султанов 2001: 233]. Как отмечает К. Усеинова, «во времена правления Тауке-хана барымта превратилась в законный способ защиты правопорядка... право на барымту возникало у потерпевшего, если ответчик не исполнял приговор или судебное решение» [Useinova 2020: 3–8]. Безусловно, введение

новой системы судопроизводства и судоустройства стало одним из важнейших факторов консолидации общества. Проведенные реформы способствовали укреплению внутреннего единства народа, повышению уровня правосознания и справедливости в управлении. Одновременно это привело к росту военного потенциала государства, укреплению дисциплины и порядка, а также создало предпосылки для формирования более благоприятного внешнеполитического климата, основанного на признании авторитета ханской власти и стабилизации отношений с соседними странами.

2. В народной памяти эпоха Тауке-хана воспринималась как время всеобщего благополучия и безопасности, что нашло отражение в устойчивом фольклорном выражении — «Қой ұстінде бозторғай жұмыртқалаған» ‘На спине овцы птицы яйца клали’. Следует подчеркнуть, что данное выражение относится к сфере устного народного творчества и отражает обобщенное представление о «золотом веке», закрепившееся в коллективной памяти казахского общества. По словам Г. И. Спасского, «во время Тявки-хана положения сии сохранились без нарушения, со всякою справедливостью, и в народе существовали тишина и спокойствие» [Спасский 2011: 40]. Другой российский исследователь XIX в., Н. И. Красовский, оценивая значение «Жеты Жаргы» для казахского общества, отмечал, что «ни до Тявки, ни после него, в степи не было такого правительства, которое, издав клонившаяся единству разноплеменного общества узаконения, сумело бы само подчиниться закону и охранять его, не допуская ни малейшего самоуправства...» [Красовский 2006: 15].

В результате реформ политическая ситуация в Казахском ханстве оставалась стабильной, возросли способности государства обороняться от внешних угроз [Кәрібаев 2015: 119]. Установления «Жеты Жаргы» закрепили исторически сложившиеся нормы обычного права во всех сферах жизни казахского общества и явились весомым вкладом в развитие юридической мысли последующих веков [Зинуров 2012: 36]. В своде законов «Жеты Жаргы» традиционные

обычаи казахского общества были органично соединены с элементами кочевого права и государственно-правовой традиции.

6. Внешняя политика

В конце XVII – начале XVIII в. положение Казахского ханства осложнялось наличием постоянных и серьезных угроз в пограничных районах: волжских калмыков и яицких казаков на западе, башкир на северо-западе, бухарцев, хивинцев на юге, кыргызов и джунгаров на востоке и юго-востоке. При Тауке-хане внешняя политика приобрела более динамичный и прагматичный характер. Хану удалось укрепить контроль над сопредельными территориями и сформировать военно-политические союзы с алатаускими кыргызами и каракалпаками Приаралья, что стало важным элементом его стратегии региональной безопасности. Русские документы конца XVII в. фиксируют союз казахов, кыргызов и каракалпаков против джунгарской угрозы [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 171об.]. Объединенные казахско-кыргызско-каракалпакские войска наносили ощутимые удары по общему противнику — джунгарам. Такие меры позволили несколько приостановить их периодические вторжения в пределы Казахского ханства. Современные исследователи считают, что включение кыргызской элиты (Кокум-бий) в систему ханской власти было частью институционализированного союза, укреплявшего южные рубежи ханства [Абдуманов 2025: 110–112].

С Бухарой хан стремился поддерживать мирные отношения. Случаев жесткого военного противостояния с эмиратом при нем практически не было. Видимо, бухарские правители хорошо понимали, что в случае поражения казахов в противостоянии с джунгарами последние обратят свое внимание и в их сторону. Поэтому между двумя соседними государствами преимущественно развивались торговые отношения, имели место регулярные дипломатические контакты. По мнению В. З. Галиева, именно в годы Тауке-хана джунгарская угроза приобрела форму систематических конфликтов, что вынуждало казахскую знать к консолидации и поиску союзников [Галиев 2013: 11–18].

Бесспорно, что усиление внешней угрозы со стороны могущественных и воинственных джунгар привело к заметной консолидации казахов и некоторому прекращению междоусобных распр между различными кланами чингизидов, властвовавших в степи почти 600 лет.

7. Джунгарский фактор в политике Тауке-хана

Наиболее сложные отношения складывались с Джунгарией. Мирные периоды сосуществования сменялись затяжными военными конфликтами, взаимными набегами. В период правления Галдан Бошогту-хана (1670–1697) завоевательные походы джунгар усилились. В 1681–1685 гг. джунгары регулярно совершали походы на по районам Сырдарьинского региона и Туркестана [История 1979: 302–304; Левшин 18326: 165–168]. Постоянная острая внешняя угроза предопределила создание общего ополчения, и к концу XVII в. большинство казахских племен объединились в военном союзе вокруг хана Тауке. Летом 1687 г. посол Ф. А. Головин докладывал в Сибирский приказ о приезде в Тобольск посла казахского хана Тауке, который сообщил, что *«калмыцкой Бушухту-хан улусными своими людьми приходил войною под Тевки-хановы города и отступил без дела ... А Тевки-хан де собрал воинских людей з городов своих многое число ... И хотел де итти он, Тевки-хан, со своими и с присланными воинскими людьми воевать колмыцкого Бушухту-хана»* [СПбФ АРАН. Ф. Портфели Миллера. Оп. 4. Кн. 12. Д. 90. Л. 161об.]. В 1688 г. Тауке предпринял ряд походов против джунгар и нанес им ощутимые поражения, в том числе отвоевав Ташкент и его округу.

Поздней осенью 1691 г. посланцы джунгарского Галдана Бошогту-хана предлагали тобольскому воеводе С. И. Салтыкову вступить в военное противодействие силам, связанным с казахским Тауке-ханом, поскольку эти группы *«приезжают под ваши государские тобольские слободы воровски и те слободы разоряют и ваших государских людей побивают и в полон емлют. И будет де вы, великие государи,*

поволите, и он де, Бушухту-хан, тех Тевки-хановых людей от такова их воровства уймет войною» [СПбФ АРАН. Ф. Портфели Миллера. Оп. 4. Кн. 12. Д. 63. Л. 121]. О военных столкновениях с джунгарами в 1694 г. известно из сообщения ханского посла батыра Тайкомура Култабая в Тобольский приказ [СПбФ АРАН. Ф. 21 Оп. 4. Кн. 14. Д. 63. Л. 111].

В период следующего правителя Джунгарского хунства Цеван Рабдана (с 1697 г.) казахско-джунгарские отношения особенно осложнились. Общая инициатива в противостоянии в этот период была на стороне джунгар, и отдельные военные успехи Тауке не позволяли переломить ситуацию.

В 1698 г. Тауке-хан принял в своей ставке джунгарское посольство в сопровождении 500 вооруженных лиц. По приказу Тауке не позднее мая 1698 г. все послы и их свита были убиты, что вызвало новое обострение конфликта двух кочевых государств, в результате Цеван Рабдан вторгся в казахские кочевья [Груссе 2005: 297]. 29 мая 1698 г. в письме цинскому императору Канси Цеван Рабдан сообщал, что «все еще не может закончить войну с казахами» [Восточная дипломатия 2015: 45]. С этого времени ожесточенные казахско-джунгарские войны с небольшими перерывами продолжались все последующие годы вплоть до смерти Тауке (1698–1703, 1708, 1709–1710, 1712, 1714 гг.) [Эпистолярное наследие 2014: 81]. Убийство послов в традициях кочевого мира рассматривалось как тяжкое нарушение неписаных норм дипломатического и обычного права, поскольку статус посланника считался неприкосновенным, что делало подобные действия осуждаемыми с социальной и правовой точки зрения [Зиманов 2005: 287–289; Левшин 1832в: 146–148].

29 мая 1698 г. в письме цинскому императору Канси Цеван Рабдан сообщал, что «все еще не может закончить войну с казахами» [Восточная дипломатия 2015: 45]. В декабре 1698 г. джунгары совершили опустошительный поход в район Шу и Таласа, тогда было убито много людей, а также уведено в плен несколько тысяч казахов [Басин 1981: 118].

Джунгарская опасность подталкивала казахскую элиту к постепенному сближению с Российской империей [Абусейтова 2020: 160]. Как отмечает Д. Б. Сапаралиев, Ч. Ч. Валиханов одним из первых в отечественной историографии обратил внимание на казахско-кыргызские отношения XVII–XVIII вв., подчеркнув их противоречивый характер и роль джунгарского фактора, что стало первой попыткой целостного анализа этой проблемы [Сапаралиев 2022: 87–96].

Осенью 1710 г. в Каракумах по инициативе Тауке-хана состоялся съезд казахских биев, старшин и батыров всех трех жузов для определения дальнейших отношений с Джунгарским ханством. Разные группы казахской знати высказывали различные мнения — от полного подчинения до организации отпора. В итоге последняя позиция возобладали и было принято решение о сборе ополчения из всех трех жузов во главе с Богенбай-батыром. Это решение стало поворотным моментом в казахской дипломатии начала XVIII в., так как показало способность власти мобилизовать ресурсы и элиту для отражения внешней угрозы [Кабульдинов и др. 2022: 1202–1216]. В сложный период казахско-джунгарских отношений Тауке-хан проявил такие качества дипломатии, как осторожность, гибкость, политическая воля, которые позволили ему сохранить суверенитет и целостность Казахского ханства [Гиззатов, Отеуов 2023: 18].

8. Военно-дипломатические контакты с Россией

В первые годы правления Тауке-хана отношения с московскими царями складывались непросто. Казахский хан стремился к развитию казахско-русских отношений на началах равенства. Строительство линии новых крепостей не могло не настораживать степного правителя, чья власть также укреплялась. Он осуществлял упреждающие военные походы на пограничные гарнизоны и поселения. Так, в 1680–1682 гг. был предпринят ряд набегов в сторону Тарханского острога, на Утяцкую и Ялutorовскую слободы в Западной Сибири. Наряду с этим Тауке-хан стремился урегулировать отношения с Калмыцким ханством, что позво-

лило временно снизить напряженность на западных границах и сосредоточить силы против джунгарской угрозы [Гиззатов, Отеуов 2023: 12–13].

Вместе с тем дальнейшие военные действия в разных направлениях — джунгарском и к приграничным российским регионам — не входили в планы Тауке-хана. Он стремился перейти на мирный формат взаимодействия с Москвой на фоне обострения отношений с джунгарами [История 1979: 111]. Казахские кочевья и Московское государство отделяла протяженная граница, что делало приграничные территории зоной особой политической чувствительности. Осознавая стратегическую важность поддержания стабильности и торгово-дипломатических связей с северным соседом, хан стремился избежать возникновения любых форм напряжения или конфликтов на пограничье, поскольку это могло подорвать внутреннее равновесие ханства и нарушить сложившийся баланс сил в регионе.

В 1687 г. Тауке-хан направил в Тобольск посольство во главе с батыром Ташимом с целью восстановить прерванные из-за военного конфликта казахов с Джунгарским ханством отношения с Русским государством. Посольство также имело подарки и письмо в Москву к русским царям Ивану V, Петру I и царевне Софье Алексеевне. Тауке предлагал развивать дипломатические и торговые связи: «...надобно слава добрая меж нами; ныне подданным людям надобно покой, и послы и торговые люди меж нами ездили, добрая слава меж нами хорошая будет без смерти на свете» [Эпистолярное наследие 2014: 83]. Торговые связи в это время налаживались, известно, например, что в конце XVII в. у Ямышевского озера россияне покупали у казахов соль [История 1979: 228]. Следующие посольства последовали в 1690–1691 гг. Но они не имели значимых результатов, и взаимные нападения продолжались. Известно, например, что в 1690 г. казахско-каракалпакские войска razорили Тарханский острог, в 1691 г. — Царево Городище, Утяцкую, Куртамышевскую слободы и другие населенные пункты в Западной Сибири и на Южном Урале, имели место нападения на г. Тару и Тарский уезд [Ба-

син 1971: 107–110]. Столкнувшись с рейдами казахских групп, сибирские чиновники использовали дипломатическое давление, включая задержание направленных ханской властью посольств. Подобная практика затронула и Сары — одного из ключевых посланцев Тауке-хана и Кельдея, прибывшего для подписания договора о торговле с представителями тобольской администрации [История 1979: 297–298].

Обострение взаимных отношений побудило обе стороны искать дипломатические пути выхода из кризиса. В 1691 г. Тауке-хан предпринял шаги к нормализации ситуации, направив свои посольские миссии сначала в Тобольск, а затем в Москву. В письме царям Ивану V и Петру I в ноябре того года хан признавал, что ранее были конфликты, но виновные им наказаны, и надеялся на продолжение торговли: *«Промеж нами ссора прошлой зимы ... Бога не боясь, в украинских местах кашку с караванов пограбили, для того сколько мочи моей было, которые люди пограбили, гораздо наказание учинено ... А мы дурна никакова не ищем, вы и мы буде в совете учнем жить ... Только мы будем в совете, и ваши с торгом к нам будут, а наши же бедные к вам, такоже буде, будут ездить»*, а также просил отпустить захваченных послов: *«А от нас которые к вам поехали, к нам отпустите, а кои ваши люди у нас, и тех людей с караваном весною по пластам к вам отпустим, и иного ничего нет»* [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 171об.].

В качестве дипломатического шага на встречу царская администрация, действовавшая через сибирских правителей, в июле 1692 г. отправила в Туркестан ответную миссию. Делегация включала Андрея Неприпасова, происходившего из боярских детей, казака Василия Кобякова и переводчика Юлуа Шаманаева. На переговорах обсуждались вопросы обмена пленными, прекращения набегов, но результатов не последовало. Российские посланники не смогли гарантировать освобождения Кельдея, и их взяли в плен, а набеги продолжились [Басин 1971: 109–111].

В дальнейшем Тауке-хану продолжил прилагать значительные дипломатические

усилия для вызволения своего знатного батыра. Об этом Тауке неоднократно просил в письмах царям Ивану V и Петру I в ноябре 1692 г.: «...а того человека нашего с Карагызбаем отпустили, и то бы добро было; и буде одним человеком грады наполнятся, и вы его держите», «и вам бы его Кабая с мурзою Килдеем отпустить весною, а мы о том бьем челом, и мы о том любезно пишем» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 178об., 179об.]. В октябре 1693 г. хан предлагал освободить Кельдея в обмен на задержанных им тобольских посланцев: «И ведомо от Адама и по се время такова дела не слыхали, что за воровских людей держать посланца ... мурза Кильдея отпустите ... Мурзы Кильдеева сродичи к нашему величеству о нем бьют челом, чтобы не отпустить русских посланцев отсюда, и для чего мы тобольских посланцев задержали» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 178об., 179об.]. Тауке-хан согласился отпустить Андрея Неприпасова и Василия Кобякова, если сибирская сторона в свою очередь вернет мурзу Кельдея. Он также уведомил о готовности возобновить торгово-дипломатические отношения после проведения обмена. В письме хан особо подчеркнул, что порицает действия людей султана Казы и каракалпаков, совершивших нападения на сибирские остроги, и добавил: «я их за такое худое дело крепко бранил и в стыд привел и говорил я им, чтоб они здравствовали на своих государствах, а мы были здесь. И мы такому худому воровству и недоброму делу не рады, и не надобно, и не любим, что меж царствами такие дурости чинятся» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 187об.–188; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 14. Л. 117, 117об.]. В это же время такая просьба содержалась и в письме тобольскому воеводе А. Ф. Нарышкину: «... я отправил в качестве посланцев [к вам] двух своих рабов. Один [из них] умер, а другой — мирза Келды — задержан. С каких это пор было, чтобы посланца задерживали как разбойника. А сейчас это в порядке вещей. Если мирза Келды жив, отправьте его назад вместе с вашими купцами. Тогда мы отправим вашего посланца восвояси вме-

сте с нашими купцами...» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 118–119]. Затем в новом письме Петру I в октябре 1694 г., увязывая решение этого вопроса с установлением дружеских отношений: «А как государская милость о кое время будет, и по вашей и по нашей милости посланцы и торговые люди будут ездить по-прежнему; и впредь бы вам и нам была добрая слава и меж нашими царствами по вашей и по нашей милости всякие люди во всяком добре покоились» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 117].

В 1694 г. Московское государство направило к хану новое посольство из Тобольска во главе с сибирским казаком Федором Скибиным, чтобы «сделать выговор казахскому хану о разбойном нападении его людей на русские поселения» [Княжецкая 1980: 66–67], договориться об освобождении послов Андрея Неприпасова и Василия Кобякова и прекращении взаимных набегов [Княжецкая 1980: 66–73; Каменецкий 2025: 18–29]. Но и это посольство оказалось неудачным. Федора Скибин по прибытии в Туркестан сам оказался задержан, только спустя два года ему удалось через Бухару вернуться в Сибирь.

Несмотря на неоднократные дипломатические реверансы, приграничные конфликты не прекращались: в источниках за 1693 г. сообщалось, что жители Ялуторовской слободы «от Казачьей Орды сидят в осаде»; с началом весны 1695 г. в казахских и башкирских сообществах сформировалось намерение организовать совместное выступление «собча под тобольския слободы войною» [Актовые источники 1993: 181–182]. В описываемое время Западная Сибирь испытывала значительное обострение военно-политической ситуации. В кочевых нападениях участвовали представители разных этнополитических групп (казахи, башкиры и джунгары). Источники фиксируют и их совместные действия, что свидетельствует о временных союзах и координации. По информации сибирского картографа и хрониста С. У. Ремезова, в 1700 г. «с Казачьей Орды приходили и воевали Тюкалинскую волость» [Ремезов 1882: 5]. По возвращении из казахского плена российские послы Василий Кобяков, Федор Скибин и другие, посланные к Тауке с целью убедить его остановить набе-

ги на русские города и слободы, сообщали, что многие старшины, окружавшие хана, являлись сторонниками продолжения набегов [Зиманов 2005: 245].

В сложившихся условиях, когда дипломатические приемы не помогали, царские власти были вынуждены принимать всевозможные меры, чтобы повлиять на казахского правителя. Одним из примеров может служить предписание, выданное 10 января 1694 г. В этот день российские монархи Иван V и Петр I направили стольнику А. Ф. Нарышкину официальный указ, в котором излагались необходимые распоряжения «*об отпуске мурзы (видимо, татарина. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.) к Тевки хану, об отправлении к нему же жалования против его подарков в полтора и о объявлении о нечинении от него разорений*» [Актывые источники 1993: 174].

Во второй половине 1700-х гг. Тауке-хан принимал участие в башкирском Алдар-Кусюмовском восстании. В сентябре 1708 г. уфимский воевода доносил о том, что «*от каракалтацкого хана Тевки к вора башкирцам, в начале к вору Алдару, пришли посланцы проводить что у башкирцев учинилось с русскими, а другие извещали в Уфе, что они пришли к сообщению воровства*» [Материалы по истории 1936: 250]. В этот год Тауке во главе отрядов казахов и каракалпаков подошел к Казани, но его намерения доподлинно не были известны [Избасарова 2016: 65].

Несмотря на обмен посольствами и доброжелательные письма хана в Москву, нападения продолжались, поскольку они приносили прибыль, многие трофеи с большой выгодой потом сбывались на базарах в городах Средней Азии. Исследователи считают, что в форме набегов на пограничные селения или на караваны и обозы, направлявшиеся в Яицк, Оренбург, Тобольск, Тюмень и другие крепости, казахи осуществляли сильное сопротивление продвижению России вглубь Степи [Хафизова 2019: 374].

9. Кончина Тауке и начало ослабления Казахского ханства

В последние годы правления хана на фоне ослабления центральной власти замет-

но усилилась джунгарская угроза. Позднее И. К. Кирилов так описывал сложившуюся в начале 1710-х гг. ситуацию: «*Все те киргиз-кайсацкие орды могли бы тех калмыков одолеть, ежели б обще согласились. А у них один хан войною пойдет, а другой оставляет, и так свое влияние у калмыков теряют*» [История 1979: 16].

В последние годы жизни Тауке-хан лично не принимал участия в военных походах, сказывались преклонный возраст и слабое здоровье. В 1715 г. хан умер в своей столице г. Туркестане, где и был похоронен [Касымбаев 1999: 14].

Смена правителей обострила внутренние противоречия: те султанские группировки, которые оказались лишены политического участия, выразили открытое недовольство. Это спровоцировало борьбу за верховную власть и ввело казахскую степь в состояние глубокого социально-политического кризиса. Традиционная система отношений между родами, племенами и жузами начала разрушаться, что выразилось в ослаблении внутриплеменных связей и возобновлении старых междоусобных конфликтов. По мере углубления кризиса в каждом жузе стали возникать самостоятельные центры власти — так называемые келте-ханы («малые ханы»), что свидетельствовало о тенденции к политической децентрализации степи. Об упадке былого могущества Казахского ханства наиболее ярко написал А. И. Левшин: «*Только что восстановленная Тявкою тишина недолго существовала между киргиз-казаками. Вскоре начались опять междоусобия, и соседственные народы не замедлили воспользоваться оными. С запада стали нападать волжские калмыки, с севера — башкиры и сибирские казаки. Страшнее всех были с востока зюнгары, которыми владел тогда сильный хонтайдзи Галдан Цырен (Черен), не только заставивший трепетать всех кочующих соседей своих, но и возбудивший внимание даже России и Китая... Волжские калмыки, башкиры, сибирские казаки более, нежели когда-нибудь, начали нападать на них (казахов. — Б. С., З. К., Д. С., А. О.). Галдан Черен не мог быть равнодушным свидетелем гибели древних непри-*

ятелей своего народа, не мог не оплатить им беспокойств и обид, от них претерпленных предками его в течение с лишком ста лет» [Левшин 1832б: 165–166].

Ослаблением хана и его кончиной воспользовались не только Джунгарское государство. После смерти Тауке-хана российская администрация, контролировавшая западносибирские территории, стала проводить более энергичную политику на границах с казахскими землями. Основной акцент был сделан на расширение военной разведки и укрепление влияния путем фортификационного строительства. На правобережье Иртыша в 1716–1720 гг. возникла целая линия крепостей — от Омской и Черлакской до Железинской, Ямышевской, Семипалатинской и Усть-Каменогорской. Между этими опорными пунктами размещались малые оборонительные сооружения — редуты и форпосты, образовавшие единую систему контроля пограничного пространства [Катанаев 2007: 163]. Возведению крепостей благоприятствовало противостояние двух кочевых государств. Это подтверждается историком сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаевым: «На взаимном ослаблении и истреблении враждовавших народов Гагарин¹ строил успех задуманного им движения в верховья Иртыша» [Катанаев 2007: 163].

Тауке содействовал временной консолидации казахов трех жузов и правил Казахским ханством на протяжении почти 35 лет. Он был одним из последних ханов, власть которого распространялась во всей казахской степи. Хан проводил активную внутреннюю и внешнюю политику. Главными задачами внутри государства являлись усиление личной власти и укрепление единства казахского общества. На международной арене его правление ознаменовано продолжительными и многочисленными войнами с джунгарами, а также попытками военно-дипломатическими методами ослабить влияние Российского государства в северной части Степи. Кончина хана Тауке привела к политической раздробленности, появлению самостоятельных ханов во всех

трех жузах [Кәрібаев 2019: 121]. История централизованного казахского государства завершилась. Центробежные тенденции оставили степной социум разобщенным и раздробленным, не позволили объединить необходимые силы для отражения последующих волн джунгарской угрозы. Среди потомков Тауке-хана были такие известные правители, как его сыновья Болат и Самеке, внуки — Абулмамбет и Есим [Султанов 2001: 250–252].

10. Заключение

Правление Тауке-хана стало переломным этапом в истории Казахского ханства. В условиях нарастающей внешней угрозы со стороны Джунгарского государства и сохранявшихся внутренних противоречий ему удалось выстроить систему управления, обеспечившую относительное единство и стабильность ханства. Существенную роль в этом сыграло принятие свода законов «Жеті Жарғы», который придал нормам обычного права институциональную форму и укрепил авторитет ханской власти и совета биев.

Во внешней политике Тауке-хан сочетал оборонительные меры с активным использованием дипломатических инструментов. Он стремился наладить контакты с Россией, рассчитывая на укрепление северных рубежей и получение дипломатической поддержки, а также выстраивал союзнические отношения с кыргызами, которые, как и казахи, подвергались давлению со стороны джунгар. Участие кыргызских биев в казахских курултаях и включение отдельных представителей кыргызской знати в политическую систему ханства свидетельствуют о том, что это сотрудничество носило устойчивый и институциональный характер. Подобные союзы усиливали позиции Казахского ханства и позволяли организовать коллективное сопротивление внешней угрозе.

Материалы архивов и опубликованные источники показывают, что политика Тауке-хана не сводилась исключительно к военным действиям. Он последовательно стремился сочетать силовые меры с дипломатическими шагами, пытаясь снизить на-

¹ М. П. Гагарин — первый губернатор Сибирской губернии в 1711–1719 гг.

пряженность в отношениях с калмыками и выстраивать осторожную линию взаимодействия с Россией. Такой подход позволял выигрывать время и поддерживать стратегический баланс в регионе.

В историографии оценки личности и деятельности Тауке-хана остаются неоднозначными. Одни исследователи рассматривают его прежде всего как мудрого законодателя и создателя государственной системы, другие как прагматичного политика, чьи решения определялись внешнеполитической обстановкой. Представляется, что эти подходы не исключают друг друга: Тауке-хан сумел соединить традиционные ме-

ханизмы власти с гибкой дипломатией, что обеспечило относительную устойчивость Казахского ханства в сложный исторический период.

Таким образом, эпоха Тауке-хана может быть охарактеризована как время консолидации и многовекторной дипломатии, когда правовые реформы и устойчивые союзы стали ключевыми факторами сохранения государственности. Это позволяет рассматривать его деятельность не только в контексте национальной истории, но и как часть более широких процессов политического и культурного взаимодействия в Центральной Азии конца XVII – начала XVIII вв.

Источники

- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Sources

- Russian State Archive of Ancient Acts.
Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.

Литература

- Абдуманов 2025 — *Абдуманов Р. А.* Кокум-бий и кыргызско-казахские отношения XVII–XVIII вв. // *Journal of the National Congress of Historians*. 2025. № 1. С. 105–121. DOI: 10.65076/3105-0042.2025.1.105.121
Абуев 2006 — *Абуев К.* Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.
Абусейтова 1981 — *Абусейтова М. Х.* Казахско-среднеазиатские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1981. 240 с.
Абусейтова 2020 — *Абусейтова М. Х.* Казахское ханство. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. 344 с.
Актовые источники 1993 — Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг (в двух томах). Т. 1. История Сибири. Первоисточники / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 250 с.
Аристов 1897 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1897. 176 с.
Атыгаев 2015 — *Атыгаев Н. А.* Казахское ханство в потоке истории. Очерки. Алматы: Елтаным, 2015. 384 с.

References

- Abdumanapov R. A. Kokum-biy is a representative of the ruling elite of the Kazakh Khanate. *Journal of the National Congress of Historians*. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 105–121. (In Russ.)
Abuev K. Khan Abylai and His Era. Astana: Elorda, 2006. 304 p. (In Russ.)
Abuseitova M. Kh. Kazakhs and Central Asia: Sixteenth to Eighteenth Century Relations. Alma-Ata: Nauka, 1981. 240 p. (In Russ.)
Abuseitova M. Kh. Kazakh Khanate. Almaty: Shygys Pen Batys, 2020. 344 p. (In Russ.)
Pokrovsky N. N. (ed.) Acts and Documents on the History of Sixteenth to Eighteenth Century Russia and Siberia in G. F. Müller's Archives: Inventories of Copies. In 2 vols. Vol. 1: History of Siberia. Primary Sources. Novosibirsk, 1993. 250 p. (In Russ.)
Aristov N. A. Notes on Ethnic Structures of Turkic Tribes and Peoples, and Their Population Numbers. St. Petersburg: S. Khudekov, 1897. 176 p. (In Russ.)
Atygaev N. A. Kazakh Khanate in History's Stream. Essays. Almaty: Eltanym, 2015. 384 p. (In Russ.)

- Басин 1971 — *Басин В. Я.* Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. Алма-Ата: Наука, 1971. 275 с.
- Восточная дипломатия 2015 — Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV – 70 годы XIX вв.). Сборник документов и материалов / отв. ред. К. Ш. Хафизова, Д. К. Кыдырали. Астана: Ғылым, 2015. 400 с.
- Гавердовский 2007 — *Гавердовский Я. П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2-я) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 5. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 389–391.
- Галиев 2013 — *Галиев В. З.* Усиление борьбы казахского народа против джунгарской агрессии в начале XVIII века // Отан тарихы. 2013. № 1. С. 11–26.
- Гиззатов, Отеуов 2023 — *Гиззатов К. А., Отеуов К. К.* Роль Тауке-хана в урегулировании казахско-калмыцких отношений в конце XVII – начале XVIII вв. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 1. С. 8–21.
- Груссе 2005 — *Груссе Р.* Империя степей. Атилла. Чингисхан. Тамерлан. Т. II / пер. с фр. Х. К. Хамраева; сост. Б. М. Сужиков. Алматы: Санат, 2005. 336 с.
- Джуманалиев 2016 — *Джуманалиев А.* Кыргызстандын тарыхы: Байыркы мезгилден бүгүнкү күнгө чейин (= История Кыргызстана: от древних времен до наших дней). Т. II. Бишкек: Билим, 2016. 640 с.
- Древний мир права 2005 — Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования в десяти томах / ред. С. З. Зиманов. Т. 4. Алматы: Жеті жарғы, 2005. 552 с.
- Ерофеева 1997 — *Ерофеева И. В.* Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX в. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Фонд Сороса – Казахстан, 1997. С. 46–144.
- Ерофеева 1999 — *Ерофеева И. В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель и политик. Алматы: Санат, 1999. 336 с.
- Зиманов 2005 — *Зиманов С. З.* Древний мир права казахов. Алматы: Жеті жарғы, 2005. 676 с.
- Basin V. Ya. Russia and Kazakh Khanates, Sixteenth–Eighteenth Centuries: Kazakhstan in the Russian Empire’s Foreign Policy System. Alma-Ata: Nauka, 1971. 275 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh., Kydyrali D. K. (eds.) Eastern Diplomacy at Civilizational Crossroads, Late Fourteenth to Late Nineteenth Centuries (1870s). Collected documents and materials. Astana: Gylym, 2015. 400 p. (In Russ.)
- Gavardovsky Ya. P. Review of Kirghiz-Kaisak Steppe (Pt. 2), or Description of Kirghiz-Kaisak Land and People. In: History of Kazakhstan from Sixteenth to Twentieth Century Russian Sources. Vol. 5. Almaty: Daik-Press, 2007. Pp. 389–391. (In Russ.)
- Galiev V. Z. Intensification of the Kazakh people’s struggle against the early nineteenth century Dzungar aggression. *Otan Tarikhy*. 2013. No. 1 (61). Pp. 11–26. (In Russ.)
- Gizatov K. A., Oteuov K. K. The role of Tauke-Khan in the settlement of Kazakh-Kalmyk relations in the late 17th – early 18th centuries. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*. 2023. No. 4(16). Pp. 8–21. (In Russ.)
- Grousset R. The Empire of the Steppes: Attila, Genghis Khan, Tamerlane. Vol. 2. Kh. Khamraev (transl.); B. Suzhikov (comp.). Almaty: Sanat, 2005. 336 p. (In Russ.)
- Dzhumanaliev A. History of Kyrgyzstan: From Ancient Times to Present Days. Vol. 2. Bishkek: Bilim, 2016. 640 p. (In Kyrg.)
- Zimanov S. Z. (ed.) The Ancient World of Kazakh Law: Materials, Documents and Studies. In 10 vols. Vol. 4. Almaty: Zheti Zhargy, 2005. 552 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Kazakh Khans and royal dynasties, eighteenth – mid-nineteenth centuries. In: Culture and History of Central Asia and Kazakhstan. Research Problems and Prospects. Almaty: Soros Kazakhstan Foundation, 1997. Pp. 46–144. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Khan Abulkhair: Warlord, Ruler, and Politician. Almaty: Sanat, 1999. 336 p. (In Russ.)
- Zimanov S. Z. The Ancient World of Kazakh Law. Almaty: Zheti Zhargy, 2005. 676 p. (In Russ.)

- Зинуров 2012 — *Зинуров Р. Н.* «Жети жаргы» («Семь установлений») Тауке-хана как великий памятник права: правовой обычай, судопроизводство и наказание // Проблемы востоковедения. 2012. № 4(58). С. 32–37.
- Избасарова 2016 — *Избасарова Г. Б.* Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в 1-й четверти XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 5(2). С. 63–68.
- Избасарова 2022 — *Избасарова Г. Б.* Западный Казахстан в региональной политике Российской империи (XVIII – начало XIX вв.). Актобе: ПринтА, 2022. 358 с.
- ИКЗИ 2006 — История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 6. Ч. 2. Немецкие исследователи в Казахстане / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Санат, 2006. 312 с.
- ИКРИ 2005 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / сост. и коммент. И. В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
- ИКРИ 2007 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. V: Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX в. / сост.: И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 620 с.
- Ирмуханов 2006 — *Ирмуханов Б.* Прошлое Казахстана в письменных источниках. V в. до н. э. – XV в. н. э. Алматы: Өлке, 2006. 552 с.
- История 1943 — История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. 670 с.
- История 1979 — История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): в 5 тт. / ред. колл.: С. Б. Баишев, Г. М. Мусрепов, А. Н. Нусупбеков и др. Т. 2. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 544 с.
- История Казахстана 2010 — История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в пяти томах. Т. 2: Казахстан в эпоху позднего средневековья / ред. К. М. Байпаков. Алматы: Атамұра, 2010. 624 с.
- Zinurov R. N. “Zheti Zhargy” (“Seven Charters”) by Tauke Khan as a great legal document: Legal custom, legal procedure and penalty. *The Problems of Oriental Studies*. 2012. No. 4(58). Pp. 32–37. (In Russ.)
- Izbasarova G. B. The Russian factor in the Kazakh-Bashkir relations in the 1st quarter of the XVIII century. *Historical and Social Educational Ideas*. 2016. Vol. 8. No. 5(2). Pp. 63–68. (In Russ.)
- Izbasarova G. B. Western Kazakhstan in the Russian Empire’s Regional Policy, Eighteenth – Early Nineteenth Centuries. Aktope: PrintA, 2022. 358 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) History of Kazakhstan from Twelfth to Twentieth Century Western Sources. Vol. 6. Pt. 2: German Researchers in Kazakhstan. Almaty: Sanat, 2006. 312 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.) History of Kazakhstan from Sixteenth to Twentieth Century Russian Sources. Vol. 3: Records and Service Notes by Diplomat A. I. Tevkelev on Kazakhstan’s History and Ethnography, 1731–1759. by Almaty: Daik-Press, 2005. 484 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V., Zhanaev B. T. (comps.) History of Kazakhstan from Sixteenth to Twentieth Century Russian Sources. Vol. 5: Earliest Historical and Ethnographic Descriptions of Kazakh-Inhabited Lands, Early-to-Mid Nineteenth Century. Almaty: Daik-Press, 2007. 620 p. (In Russ.)
- Irmukhanov B. Kazakhstan’s Past in Written Sources, Fifth Century BCE – Fifteenth Century CE. Almaty: Өлке, 2006. 552 p. (In Russ.)
- Abdykalykov M., Pankratova A. (eds.) History of the Kazakh SSR: From Ancient Times to Present Days. Alma-Ata: KazOGIZ, 1943. 670 p. (In Russ.)
- Baishev S. B. et al. (eds.) History of the Kazakh SSR: From Ancient Times to Present Days. In 5 vols. Vol. 3. Alma-Ata: Nauka, 1979. 544 p. (In Russ.)
- Baypakov K. M. (ed.) History of Kazakhstan: From Ancient Times to Present Days. In 5 vols. Vol. 2: Late Medieval Kazakhstan. Almaty: Atamura, 2010. 624 p. (In Russ.)

- Кабульдинов и др. 2022 — Кабульдинов З. Е., Бейсембаева А. Р., Абиля Е. А., Тылахметова А. С. Некоторые аспекты из истории взаимоотношений ханов Абылая и Уали с Цинской империей (на основе архивных источников) // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 6. С. 1202–1216. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216
- Каменецкий 2025 — Каменецкий И. П. Посольская миссия сибирского казака Федора Скибина в Казахскую Орду в 1694–1696 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «История. Регионоведение. Международные отношения». 2025. Т. 30. № 1. С. 18–29.
- Карибаев 2015 — Карибаев Б. Тауке хан // Маслихат и акимат. 2015. № 3. С. 49–61.
- Касымбаев 1999 — Касымбаев Ж. К. Государственные деятели Казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 288 с.
- Катанаев 2007 — Катанаев Г. Е. Прииртышские казахи и казаки: история, хозяйство и быт. Астана: Алтын кітап, 2007. 223 с.
- Княжецкая 1980 — Княжецкая Е. А. Путешествие тобольского казака Федора Скибина в Казахскую орду в 1694–1696 гг. // Страны и народы Востока / под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. Вып. 22. М.: Наука, 1980. С. 66–73.
- Красовский 2006 — Красовский Н. И. Образ жизни казахов степных округов // Библиотека казахской этнографии. Т. 12. Павлодар: ЭКО, 2006. 285 с.
- Куанбай 2024 — Куанбай О. Б. Foreign and internal policies of Tauke khan and the significance of the “Zheti zhargy” law // *Otan тарихы*. 2024. Т. 27. № 1. С. 48–64. DOI: 10.51943/2788-9718_2024_27_1_48-64
- Кыргызстан 2006 — «Кыргызстан» Улуттук энциклопедия (= Национальная энциклопедия «Кыргызстан») / под общ. ред. У. А. Асанова. Т. I. Бишкек: Мамлекеттик тил жана энциклопедия борбору, 2006. 688 с.
- Левшин 1832а — Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 1. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. X, 334 с.
- Kabuldinov Z. E., Beisembayeva A. R., Abil Ye. A., Tylakhmetova A. S. Kazakh Khans Abylai, Uali — and the Qing Empire: Analyzing archival sources for some historical aspects of relations. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1202–1216. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1202-1216
- Kamenetskii I. P. Ambassador’s mission of the Siberian Cossack Fyodor Skibin to the Kazakh Horde in 1694–1696. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2025. Vol. 30. No. 1. Pp. 18–29. (In Russ.)
- Karibayev B. Tauke Khan. *Maslikhat i akimat*. 2015. No. 3. Pp. 49–61. (In Russ.)
- Kasymbayev Zh. K. Statesmen of Eighteenth-Century Kazakh Khanates. Almaty: Bilim, 1999. 288 p. (In Russ.)
- Katanaev G. E. Irtysh Kazakhs and Cossacks: History, Economy, and Everyday Life. Astana: Altyn Kitap, 2007. 223 p. (In Russ.)
- Knyazhetskaya E. A. Tobolsk Cossack Fyodor Skibin and his 1694–1696 journey to the Kazakh Horde. In: *Countries and Peoples of the East*. Vol. 22. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 66–73. (In Russ.)
- Krasovsky N. I. Kazakhs of Steppe Districts and Their Lifestyles. (The Library of Kazakh Ethnography 12). Pavlodar: EKO, 2006. 285 p. (In Russ.)
- Kuanbay O. B. Foreign and internal policies of Tauke khan and the significance of the “Zheti zhargy” law. *Otan Tarikhy*. 2024. Vol. 27. No. 1. Pp. 48–64. (In Eng.) DOI: 10.51943/2788-9718_2024_27_1_48-64
- Asanov U. A. (ed.) *Kyrgyzstan: The National Encyclopedia*. Vol. 1. Bishkek: State Language and Encyclopedia Center, 2006. 688 p. (In Kyrg.)
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppe. Pt. 1. St. Petersburg: K. Kray, 1832. X, 334 p. (In Russ.)

- Левшин 1832б — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 2. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. [6], 304 с.
- Левшин 1832в — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. XII, [2], 264 с.
- Левшин 1996 — *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Материалы по истории 1936 — Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1 / отв. ред. А. Чулошников. М.; Л.: АН СССР, 1936. 631 с.
- Мейер 1865 — Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства / сост. Л. Мейер. СПб.: Тип. Э. Веймара и Ф. Персона, 1865. 414 с.
- Ремезов 1882 — *Ремезов С.* Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: Тип. А. М. Котомина и Ко., 1882. 76 с.
- Сапаралиев 2022 — *Сапаралиев Д. Б.* Об отражении кыргызско-казахских взаимоотношений XVII–XVIII вв. в научных трудах Ч. Валиханова // Чыгыш таануунун маселелери (= Вопросы востоковедения). 2022. № 1. С. 86–96.
- Спасский 2011 — *Спасский Г. И.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой Орды // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы: LEM, 2011. С. 12–71.
- Султанов 2001 — *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.
- Хафизова 2019 — *Хафизова К. Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.
- Эпистолярное наследие 2014 — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты. 1675–1821 гг. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 696 с.
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppe. Pt. 2. St. Petersburg: K. Kray, 1832. [6], 304 p. (In Russ.)
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppe. Pt. 3. St. Petersburg: K. Kray, 1832. XII, [2], 264 p. (In Russ.)
- Levshin A. I. Description of the Kirghiz-Qazaq, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppes. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. (In Russ.)
- Chuloshnikov A. (ed.) Bashkir ASSR: Historical Materials. Pt. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 631 p. (In Russ.)
- Meyer L. Materials for Russia's Geography and Statistics Collected by Officers of the General Staff. Kirghiz Steppe of Orenburg Governorate. St. Petersburg: E. Weimar & F. Person, 1865. 414 p. (In Russ.)
- Remezov S. A Book of Drawings and Schemes Compiled by the Tobolsk Boyar Son Semyon Remezov in 1701. St. Petersburg: A. Kotomin & Co., 1882. 76 p. (In Russ.)
- Saparaliev D. B. The reflection of the Kyrgyz-Kazakh relations in XVII–XVIII centuries in the scientific works of Chokan Valikhanov. *Issues of Oriental Studies*. 2022. No. 1. Pp. 86–96. (In Russ.)
- Spassky G. I. Kirghiz-Kaisaks of the Senior, Middle and Junior Hordes. In: History of Kazakhstan in Documents and Materials: Almanac. Vol. 1. Almaty: LEM, 2011. Pp. 12–71. (In Russ.)
- Sultanov T. I. The Ones Raised on White Felt. Descendants of Genghis Khan. Almaty: Daik-Press, 2001. 276 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. Steppe Rulers and Their Diplomacies, Eighteenth–Nineteenth Centuries. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute for Strategic Studies, 2019. 476 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp., ed.) Epistolary Heritage of Kazakh Ruling Elites, 1675–1821. Vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780. Almaty: ABDI Company, 2014. 696 p. (In Russ.)

- Әлімбай 2017 — *Әлімбай Н. Жеті Жарғы* // Қазақтың этнографиялық категориялар ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. Т. 2. Ғ–З. Алматы: Алем Даму-Интеграция, 2017. 848 б.
- Кәрібаев 2015 — *Кәрібаев Б. Қазақ хандары = Казахские ханы = Kazakh khans*. Алматы: Сардар, 2015. 128 б.
- Мұхтар, Сыдыков 2015 — *Мұхтар Ә., Сыдыков Е. XVII–XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы (= Казахское ханство в XVII–XIX веках)*. Алматы: «Мереке баспалар үйі» ЖШС, 2015. 688 б.
- Useinova 2020 — *Useinova K. Barymta — as an institution of the legal system* // BTSES-2020. Web of Conferences. 2020. Vol. 159. Pp. 3–8. DOI: 10.1051/e3sconf/202015905005
- Älimbai N. Zheta Zhargy. In: Traditional System of Kazakh Ethnic Categories, Concepts and Terms. Encyclopedia. Vol. 2. Ғ–З. Almaty: Alem Damu Integratsiya, 2017. P. 848. (In Kaz.)
- Karibayev B. Kazakh Khans. Almaty: Sardar, 2015. 128 p. (In Kaz.)
- Mukhtar A., Sydykov E. Kazakh Khanate, Seventeenth–Nineteenth Centuries. Almaty: Mereke Baspalar Uyi, 2015. 688 p. (In Kaz.)
- Useinova K., Toktybaev A., Isabekov A., Sartayev S., Zhainak A. Barymta — as an institution of the legal system. In: Ziyadin S. et al. (eds.) BTSES–2020. Conference proceedings (E3S Web of Conferences 159). Almaty, 2020. Pp. 3–8. (In Eng.) DOI: 10.1051/e3sconf/202015905005

